

УДК 378.4

«УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ПОТРЕБНОСТЬ» И ИСТОРИЯ НИЖЕГОРОДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА¹

© 2018 г.

А.А. Кузнецов

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

nalbuz@mail.ru

Поступила в редакцию 06.03.2018

Концепт «университетская потребность» предложен как методическое средство в исторической университетологии. Рассматриваются нюансы и ограничения использования концепта «университетская потребность». Проведено разделение между категориями «университетский человек» и «носитель университетской потребности». Представлена история формирования университетской потребности в Нижнем Новгороде. На примере истории Нижегородского (Горьковского) государственного университета рассмотрены проявления университетской потребности: первые годы существования университета, классовая борьба за видение университета, борьба против закрытия университета, роль Л.А. Маньковского и А.А. Андропова в сохранении университета в 1930-е гг., открытие радиофизического и историко-филологического факультетов.

Ключевые слова: история университетов, «университетская потребность», университетская культура, Нижний Новгород, С.В. Ешевский, Д.Ф. Синицын, А.А. Андронов, С.И. Архангельский.

Своеобразными топосами стали утверждения о том, что отечественные университеты являются продуктом развития общемировой университетской культуры, что в XVIII в. сложились условия для утверждения в России университетского начала; что с этого момента университетская традиция России находится в глобальном потоке высшего образования [1, с. 91]. При всей справедливости такого подхода надо отметить, что увлечение им не всегда позволяет увидеть и специфические черты развития Университета в России. В ней до 1917 г. университетский проект осуществлялся в рамках модернизации Нового времени: Московский университет – университетская реформа Александра I – последующие открытия университетов и профильных институтов до 1917 г. В строительстве высшей школы доминировало государство. Созданные в рамках частной инициативы Лазаревский институт, Демидовский лицей, Нежинский историко-филологический институт князя А.А. Безбородко и др. не влияли на эту ситуацию. Не изменило её и относительное обилие негосударственных вузов, возникших в последние 12 лет существования Российской империи [2, с. 138]. Народные университеты А.Л. Шанявского напоминали лекционные курсы советского общества «Знание»: выпускники не получали полноценных дипломов, педагоги, привлекавшиеся для чтения лекций, могли и не иметь учёных степени и звания. Тем не менее инициативы открытия «филиалов» университета А.Л. Шанявского на местах, включение в их работу местной интеллигенции способствовали атмосфере «предчувствия университета».

Советская власть с первых месяцев своего существования сразу взяла курс на установление государственной (и партийно-идеологической) монополии в сфере образования, в том числе и высшей школы. Эта тенденция совпала с активизацией процесса открытия высших учебных заведений во многих губернских центрах Европейской России. Инициаторами были представители местной образовательной интеллигенции. Эти возникшие образовательные структуры затем были использованы в ходе культурной революции в СССР и создания вузов. Например, в Нижнем Новгороде, где только в 1916 г. появился Народный университет А.Л. Шанявского, на его основе в 1918 г. был создан полноценный университет, разделившийся в 1930-е гг. уже на 8 вузов.

Вообще, в XX столетии после 1917 г. топография высшего образования в СССР (России) количественно и качественно преобразилась. Достаточно скоро была создана сеть вузов в городах, которые ранее не входили в число традиционных университетских центров Российской империи. Эти университеты и институты, массово возникавшие в 1920–1930-е гг., стремительно набирали научно-образовательный вес, меняли социокультурный ландшафт российских регионов, повсеместно способствовали формированию слоя молодой советской интеллигенции. Важной составляющей процесса окультуривания российских (советских) регионов через вузы было развитие форм и практик исследовательской культуры и провинциальных научных центров. Этот тектонический сдвиг в образователь-

ной среде 1/8–1/6 земной суши определялся целенаправленной советской политикой и до сих пор малоизученными инициативами и усилиями конкретных людей на местах.

Если с государственной политикой в высшем образовании СССР многое понятно, то вопрос о человеческом факторе в истории развития отечественных университетов после 1917 г. не ставился. Государственная политика в деле создания новых и реформирования дореволюционных университетов застит глаза исследователям, озадаченным поиском субъективного фактора на всём протяжении истории советской высшей школы. Сложившийся стереотип о тотальном сдерживании государством человеческого фактора и о минимизации проявления человеческой индивидуальности априори противоречит сложившейся карте вузов СССР – пёстрой, разнообразной, со своими традициями и инновациями, складывавшимися научными школами. И в этой сфере нельзя обойтись без учёта (а значит, его поиска и обнаружения) человеческого фактора.

В решении данной проблемы плодотворной оказывается категория «университетская потребность». Она является калькой культурологической категории «музейная потребность» (введена словацким исследователем З. Странским). Категория «музейная потребность» характеризует состояние умов в том или ином локусе, когда его сообщество в растущем интересе к литературе, музыке, живописи, архитектуре, педагогике, истории, естественным наукам, театру, архивному делу, фотографии и родному краю начинает жаждать Музея [3, с. 11–12]. *Музейная потребность* появляется тогда, когда уже накопилась «критическая масса» культуры. Ведь цепная реакция, связанная с Музеем, обозначится не только в том, что энтузиасты его откроют при поддержке властей, которым внушат, что это надо, что в приличных губернских центрах подобное уже есть и т.п., а в том, что публика пойдёт в Музей.

Проявление «музейной потребности» на нижегородской почве как объективной данности показано в монографии Н.А. Уткиной [3, с. 11–12]. В книге представлена картина того, как формировалась, действовала и направляла культурный процесс в Нижнем Новгороде и Нижегородской губернии *музейная потребность*. Благодаря ей один из пиков создания нижегородских музеев пришёлся на середину 1880-х гг. Мысли же об обзаведении своим университетом стали высказываться отдельными представителями нижегородской интеллигенции в 1850-е гг. (см. ниже), а в 1896 г. нижегородцы уже коллективно выразили желание получить

свой университет. Совпадение по времени музейного строительства в Нижнем Новгороде и хождения там идей о своём университете позволяет свести процессы созидания музеев и инициативы по созданию университета в Нижнем Новгороде к одному источнику – созревшей культурной среде в городе «на устье Оки». Кроме того, идея об основании своего университета в Нижнем Новгороде появилась в этой среде после того, как она (среда) обогатилась в ходе удовлетворения музейной потребности. Это наблюдение касается Нижнего Новгорода, и пока, без дополнительных исследований, его не предполагается абсолютизировать при изучении возникновения университетов в других городах России. Однако взаимосвязь этих двух сфер социокультурной активности в дореволюционном губернском городе существует и предполагает связи и взаимозаменяемость с другими сферами культурной жизни провинциальной России (театром, библиотеками, губернскими учёными архивными комиссиями, статистическими комитетами и пр.).

Проецирование концепта «музейная потребность» на практики российской университетологии, задействование методического инструментария музеологии адекватно цели и задачам исследования истории университетов в России – всё это позволяет предложить концепт «университетская потребность». В нём заложен большой исследовательский потенциал, особенно для исследования исторического феномена российских университетов XX столетия. Он способен объединить различные направления исследовательского постижения Университета: и культурную историю университетского сообщества с его символикой, смыслами, каналами их трансляции из поколения в поколение [4, с. 13; 5, с. 496]; и совокупную модель «институциональной и антропологической перспектив истории» университета, апробированную при написании юбилейной «биографии» Омского государственного университета [4, с. 13–14; 6]; и сочетание изучения исторического контекста эпохи с использованием методов локальной истории, как это было предложено Т.Н. Ивановой [7, с. 210–218; с. 232; 4, с. 14]... Взятые из разных исследовательских моделей локальный, антрополого-биографический и контекстуальный аспекты истории университетов могут быть плодотворно объединены в рамках концепта «университетская потребность» и дать куда больший эффект в изучении истории вузов.

Университетская потребность, как и музейная, не возникает одновременно в образовательной, административной, педагогической и прочих средах, но – асинхронно. Поэтому мож-

но прогнозировать, что в истории каждого вуза в XX в. культурное движение к тому или иному университету в конкретном локусе было и противоречивым, и прерывистым, и могло сопровождаться откатами назад, конфликтами лично-творческого и массового интересов.

Личностное начало в университетской потребности и в университете приводит к неопределённости и многовекторности развития. Любой университет как воплощение культурной среды места должен подчиниться этой закономерности, художественно представленной Ю.М. Лотманом: «Но если бы умерли в детстве Данте, Пушкин или Достоевский, не только не были бы никогда написаны их произведения, но и история Италии и России, в конечном счёте история, по крайней мере, Европы потекла бы по другому направлению. Можно сказать, что в тех сферах истории, где люди играют роль частиц крупного размера, включенных в броуново движение гигантских сверхличностных процессов, законы причинности предстают в своих простых, можно сказать, механических формах. Там же, где история предстаёт как огромное множество альтернатив, выбор между которыми осуществляется интеллектуальной и волевой силой человека, необходимы описки новых и более сложных форм причинности» [8, с. 633]. Будучи частью культуры, университет «...предстает точкой в линейном развитии, попадая в флуктуационное пространство – выступает как континуум потенциальных возможностей со случайностью в качестве пускового устройства» [9, с. 349]. Флуктуационным пространством здесь оказывалась среда перехода от императорской России к СССР, последующая логика истории СССР и сама советская культура с её тенденциями.

Сама по себе история любого российского университета – 250-летнего ли, 200-летнего, 100-летнего ли, или ещё моложе – с точки зрения временных масштабов представляет собой флуктуационное поле, где выпукло проступают узлы выбора и судьбоносных действий деятелей. И от них зависело и их выбором, осуществлённым когда-то, до сих пор определяется направленность и вариативность развития вуза. Выводы о многовариантности развития приложимы к истории отечественных университетов даже при том, что они всегда имели в своём составе естественно-математический массив. Ему, безусловно, присуща предсказуемость в порождении идей и их научной реализации. Однако субъектами естественно-математического блока являются те же люди со своими интересами, приоритетами, культурным, образовательным и схолярным опытом. Волей случая (распреде-

ления, отклика на предложение трудоустройства) тот или иной специалист мог выбрать тот или иной вуз и основать там целое направление. Поэтому развитие тех или иных направлений, школ по химии, физике, математике, биологии и пр., которые определяют «лица» конкретных университетов, было определено исследователями и педагогами, действовавшими в конкретных ситуациях. При этом надо учитывать диалектику: определённый учёный может повлиять на развитие вуза или же нет – в тех или иных условиях педагог, исследователь может раскрыться в вузе и получить импульс для развития или же нет.

Непредсказуемость и неопределённость должны быть учтены при разработке методологии исторической университетологии, что, в свою очередь, обусловит пристальное внимание к Человеку – носителю университетской потребности при изучении и ранней, и новейшей истории отечественных университетов. Обсуждение доклада об университетской потребности показало, что коллеги, принявшие этот конструкт, всё-таки склонны соотносить его с университетской культурой. По их мнению, исследователь-педагог, дышащий воздухом университета, автоматически становится выразителем университетской потребности. Однако университетская потребность больше особенностей «восприятия и «вчувствования» университетского пространства-времени» с их «своеобразной оптикой» на университетское пространство как повседневное и сакральное одновременно, особым «звуковым ландшафтом», кулинарным вкусом и профессиональной «аромагией» химреактивов, биопрепаратов, книг в библиотеке, специфическим тактильным и осязательным опытом [10, с. 54–56]. Вслед за авторами, так представившими университетское «пространство-время», приобщённого к университетской культуре надо называть университетским человеком. И без, вне сообщества университетских людей активность тех, кто исполнен университетской потребности, немыслима.

Выразитель университетской потребности тоже является университетским человеком, но, кроме того, он целенаправленно создаёт и/или развивает университетское «пространство-время». Он может это делать на протяжении всей своей деятельности, а может «включаться» на определённом этапе. Он может занимать административные посты, а может быть рядовым членом корпорации. Он может «двигать» весь вуз, но может обеспечивать его развитие за счёт инновационных инициатив на своём «фронте».

При обсуждении категории «университетская потребность» было высказано пожелание

подумать о более удачном термине, который мог бы заменить слово «потребность». Причина предложения заключалась в том, что потребность созвучна с потребительством, потребительским обществом. Эти негативные коннотации могут исказить когнитивную оптику концепта. Достойной и адекватной замены найти не удалось. Указанные коннотации связаны с современными злободневными проблемами, и рано или поздно они отодвинутся на второй план. Также предполагаемая корректировка должна обусловить исправление исходного конструкта «музейная потребность», которая, наверное, стала результатом не совсем удачного перевода со словацкого на русский язык (однако в русскоязычных работах З. Странского 1991 г. и 1992 г. фигурирует именно «университетская потребность»). Сделать же это уже нельзя, поскольку в отечественной музеологии «музейная потребность» прижилась и не вызывает слухового отторжения. И если вспомнить философию и этику, то университетскую и музейную потребности нужно отнести к духовным потребностям.

Вышеприведённые рассуждения были обусловлены исследовательскими наблюдениями за развитием университетской идеи и её реализацией в Нижнем Новгороде.

Первое непосредственное соприкосновение Нижнего Новгорода с университетом произошло в 1812–1813 гг. В Нижний Новгород был эвакуирован Московский университет. И это знакомство не оставило следа в памяти нижегородцев. Многие преподаватели и студенты ютились в здании нижегородской гимназии, которую уступил её директор. Многие профессора влачили жалкое существование, а некоторые даже умерли в Нижнем Новгороде из-за плохих условий [11]. Естественно, что никаких занятий в университете не велось, а потому почувствовать университетское «пространство-время» у нижегородцев не было никакой возможности. Да и в суматохе эвакуированной Москвы «питомцам волжских берегов» было не до университета. Сами представители университета «растворились» в массе приезжих. Пример финляндского студента Эрика Густава Эрстрёма является тому доказательством. Он знакомился с городом, его ближайшими окрестностями, наблюдал, даже успел почерпнуть сведения о нижегородской истории из летописи XVII в., мёрз в своей съёмной комнате во время морозов, но никак не проявился как студент [12, с. 189–237].

Главная же причина равнодушия «питомцев волжских берегов» к университету заключалась в том, что в городе отсутствовал слой университетских людей. Открытый незадолго до войны 1812 года Казанский университет не дал ещё

пока о себе знать, а Московский университет слабо проявлялся выпускниками и студентами в провинциальном Нижнем. Тот же Э.Г. Густав Эрстрём упомянул лишь двух однокашников из Нижнего Новгорода – Георга и Александра Эвениусов [12, с. 146, 189]. И то они были детьми не так давно устроившего в городе аптеку Эвениуса [13, с. 195]. Ситуация с университетскими людьми в Нижнем Новгороде стала меняться к концу 1820-х гг. Поначалу эти изменения были связаны с Казанским университетом.

Наличие Казанского университета, в состав округа которого входила Нижегородская губерния, надолго похоронило идею открытия вуза. «Культурного капитала» Нижнего Новгорода, накопленного к 1860-х гг. [3, с. 48–71] вполне хватило для музейного строительства, но в отношении высшей школы всё оказалось сложнее.

Известно, что в 1834 г. «П.И. Мельникову очень желательно было поступить в московский университет, но родители не пустили его туда. Незадолго перед тем была известная история со студентами в Москве, от которой пострадал в числе прочих и Герцен, а потому нижегородские дворяне перестали отправлять своих сыновей в московский университет» [14, с. 491]. По окончании Казанского университета и службы в Перми П.И. Мельников получил назначение в нижегородскую губернскую гимназию. Среди его учеников были будущие историки С.В. Ешевский и К.Н. Бестужев-Рюмин. Первый из них после гимназии устремился в Казань, но проучился в ее университете недолго и перевелся в Московский университет. В Москву же отправился и К.Н. Бестужев-Рюмин.

К 1850-м гг. нижегородцы уже стали выбирать, куда отправить своих отпрысков получать университетское образование – в Москву или Казань. На решение влияли дороги от Нижнего Новгорода к Москве и Казани. При почти равных расстояниях к этим населенным пунктам нижегородским дворянам предпочтительнее было отправлять своих отпрысков в первопрестольную, и, видимо, эта тенденция проявлялась до 1917 г. Кроме того, в 1845 г. стало действовать шоссе «Москва – Нижний Новгород», по которому легче было добраться в Москву, чем в Казань. Это обстоятельство на фоне плохих дорог из Нижнего в Казань тоже способствовало связи с Москвой, а в 1862 г. Москва и Нижний Новгород были соединены железной дорогой.

Все эти факторы московской предпочтительности и учебной принадлежности Нижнего Новгорода Казани вынуждали нижегородцев тяготиться последней. Преподаватель Казанского университета С.В. Ешевский в 1850-е гг. писал К.Н. Бестужеву-Рюмину: «Я принял то мне

ние, что все это скрепляется университетом, для которого провидение и сохраняет Казань, очищая ее впрочем лихорадкою и горячкою, которая и теперь бродит по ней, и прочими болезнями. Если бы университет перевести, положим, хоть в Нижний, тогда Казань бедная провалилась бы. А, не правда-ли, чудно бы было, если бы университет был в Нижнем».

Периодически менявшиеся у нижегородцев XIX в. университетские предпочтения – Москва и Казань – привели к тому, что в Нижнем Новгороде сформировалась корпорация выпускников университетов за счёт уроженцев города и за счёт прибывавших. Один из светочей создавшей нижегородской интеллигенции, основатель НГУАК, деятель провинциальной печати в России – Александр Серафимович Гациский – вёл учёт выпускников Казанского университета в Нижнем Новгороде – своих однокашников. Цель учёта – создать своеобразную корпорацию, чтобы её участники оказывали денежную помощь нижегородцам, которые учились в Казанском университете. Однако на рубеже XIX–XX вв. «масса молодежи, окончившей средние школы Н. Новгорода, направлялась учиться в Москву и Петербург» [15, с. 48–49].

На рубеже XIX – нач. XX в. среда выпускников университетов, концентрировавшаяся вокруг земства, «Нижегородских губернских ведомостей», Нижегородского статистического комитета, Педагогических курсов, музеев, Нижегородской губернской учёной архивной комиссии (НГУАК) и др., должна была задуматься о своём вузе. Комплекс событий и мероприятий тоже способствовал культурному и образовательному ожиданию Нижнего Новгорода: ежегодные ярмарки, проведение Всероссийской промышленной выставки 1896 г., где были продемонстрированы радиопередача, синематограф, прокладка трамвая, 700- и 300-летние юбилеи князя Георгия Всеволодовича и Подвига Нижегородского ополчения соответственно, открытие гимназий и музеев, деятельность В.В. Докучаева, «время Короленко», публичные лекции столичных учёных и пр. В Нижнем Новгороде выпускники университетов задавали тон в педагогической и научной деятельности.

Эти и другие факторы определили то, что нижегородцы высказали желание иметь свой университет ещё на Промышленной выставке 1896 г., но саратовцы оказались успешнее в своём университетском рвении. В 1906 г. в связи с «временным закрытием» Варшавского университета нижегородские власти наивно и без успеха просили перевести его в Нижний Новгород. Позже развитие получила идея открытия Народного университета, высказанная после

октября 1905 г., и в январе 1916 г. на пожертвования был открыт Народный университет, но и тут не всё так красочно, как это обычно представляется [16, с. 203]. Его преподавательские кадры пополнялись как из нижегородцев, так и из преподавателей Московского университета. Летом 1916 г. нижегородцы добились того, чтобы именно в их город был эвакуирован Варшавский политехнический институт, и в Нижнем Новгороде очутилось много активных, мотивированных классических студентов и преподавателей. Благодаря этой «инъекции», открытый в 1911 г. Учительский институт был преобразован уже после Февральской революции в Педагогический институт (давал среднее профильное образование). На базе этих и других учреждений в 1918 г. был открыт Нижегородский государственный университет [15, с. 49–51; 17] во главе с биологом мирового уровня, профессором Дмитрием Фёдоровичем Синециным. Именно ему предстояло облечь в организационные формы идею нижегородского университета.

Синецин страстно желал создать полноценный университет как «храм образования и науки» с присущими ему академическими свободами, собственной субкультурой и специфической средой. Он в условиях Гражданской войны где-то даже возводил принципиально новый университет, используя позитивный опыт российских университетов до 1917 г. Но курс советской власти, проводником которого выступали коммунисты и комсомольцы в руководстве и студенчестве вуза, поставил крест на его планах. Союзником Синецина в неравной борьбе с советским государством стали студенты истфила. Высокое гуманитарное знание в бурные революционные годы не привлекало революционную рабоче-крестьянскую молодёжь. Потому эту нишу с удовлетворением заполняли «бывшие» – выпускники гимназий. Они, как носители былых образовательных традиций, желали учиться в настоящем университете. Под стать им были и преподаватели А.Ф. Лосев, В.Л. Комарович, Н.И. Радциг, С.И. Архангельский и пр. Силы всё же были не равны. Тем не менее Синецин как ректор-основатель заложил фундамент Нижегородского университета. Его замысел, в основе которого были и традиции, и новации, вошёл в острый конфликт с вызовами революционного времени и «опытами» в системе образования в России. В этом столкновении рождалась та модель Нижегородского университета, которая пройдет через испытания XX в. [18, с. 9–15, 55–71; 19].

Предуниверситетский период был завершён, университетская потребность, казалось бы, была удовлетворена, но её импульс, шедший от

создания университета, позволял ему выстоять в трудные моменты. И эти эпизоды борьбы университета за своё существование и идентичность всегда были персонифицированы. Роль личности в истории ННГУ оказалась первостепенной. Можно повторить мысль доклада на конференции о том, что порой энергия и университетская потребность людей Нижегородского (Горьковского) университета оказывалась сильнее логики образовательной политики в СССР.

После того как в условиях травли, слежки и под угрозой ареста Д.Ф. Синицын в лучших традициях авантюрного романа на простой лодке покинул Нижний Новгород, борьба за путь развития университета проявилась в событиях вокруг историко-филологического факультета. В 1922 г. он был закрыт. Гуманитарное образование ушло в пединститут и оказалось заостренным там сначала на подготовку «агитаторов, горланов-главарей», а с начала 1930-х исключительно учительских кадров. А университет потерял гуманитарную составляющую, без которой не может быть университета.

В 1930 г. Нижегородский университет был разделён на ряд профильных вузов, готовивших работников народного хозяйства. Университет с его фундаментальными химическим, биологическим и механико-математическим факультетами в провинциальном Нижнем, стремительно превращавшемся в промышленный гигант, был не нужен. Был поставлен вопрос о переводе университета в другой город [20. Ф. 275. Оп. 1а. Д. 21. Л. 17] или его закрытии.

Барьер этому почти свершившемуся государственному решению суждено было поставить (ди)ректору Нижегородского государственного университета Л.А. Маньковскому. Его усилия были поддержаны А.А. Андроновым, а также В.И. Гапоновым, М.Т. Гапоновой-Греховой, Е.А. Леонтович, А.Г. Любиной, приехавшими на работу в исследовательский физико-технический институт (ГИФТИ) Нижнего Новгорода. А.А. Андронов предложил в 1932 г. включить ГИФТИ в состав университета и на правах научно-исследовательского института. Причиной такого шага было недовольство А.А. Андропова и его коллег прикладной направленностью ГИФТИ. Для университета данное решение стало спасением, залогом сохранения фундаментально-научного статуса, усиления новыми кадрами и определения чётких перспектив развития. Всё это позволило выжить университету, который в 1930-е гг. был самым депрессивным вузом Нижнего Новгорода [20. Ф. 275. Оп. 1а. Д. 21. Л. 15–15 об., 17–21].

В дальнейшем, уже после Великой Отечественной войны, А.А. Андронов и его коллеги способствовали принятию государственного

решения об открытии в Горьковском университете радиофизического факультета – первого в стране [21, с. 57–85]. Главной задачей, которая ставилась перед новым подразделением вуза, была подготовка кадров для развития радиолокации и разработки атомного оружия в СССР [20. Ф. 275. Оп. 1б. Д. 18]. Из этих двух направлений возобладало радиолокационное.

На следующий, 1946 год после открытия радиофизического факультета появился ещё один – историко-филологический. Его основателем по праву считается С.И. Архангельский. В 1946 г. он стал членом-корреспондентом АН СССР. И под его статус было принято решение о новом факультете в Горьковском университете. Для обеспечения его кадрами Архангельскому было позволено на своё усмотрение сформировать преподавательский коллектив. В результате Горьковский педагогический институт лишился многих способных историков и филологов, которые перешли в университет. И лидерские позиции по истории Нижегородский университет сохраняет по сей день. С появлением новых факультетов в 1945–1946 гг. Горьковский университет оказался фаворитом в числе горьковских вузов и обеспечил свой дальнейший рост.

Академик А.А. Андронов, кроме математических штудий, вместе с историком Н.И. Приваловой определил место и дату рождения Н.И. Лобачевского [22, с. 22–23]. Это позволит в 1956 г. присвоить Горьковскому университету имя великого математика и обрести мемориальную идентичность.

Краткий обзор выборочных сюжетов из истории Нижегородского (Горьковского) государственного университета показывает методическую актуальность категории «университетская потребность». Она формируется за счёт концентрации носителей университетской культуры, позволяет эффективнее проанализировать состояние умов и идей на момент создания университета и учесть субъективный фактор в основании, сохранении и развитии университета. И периодически в минуты застоя «варяги» из академических столиц или других вузов двигали советский университет, обеспечивали прогрессивное развитие в новых направлениях.

Примечание

1. Статья написана по итогам доклада автора на конференции «Парадигмы университетской истории и парадигмы университетологии», проходившей на базе Чувашского государственного университета 12–14 октября 2017 г. Доклад «Университетская потребность как одна из категорий университетологии» вызвал дискуссию и ряд откликов по окончании конференции. По их следам был составлен данный

текст, который включил как расширенные тезисы опубликованного доклада, так и их уточнения и дополнения, а также новые факты, – в основном, из истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

Список литературы

1. Вишленкова Е.А. Мемориальная культура российского университета XIX века // Мир историка: Историографический сборник. Вып. 7. Омск: Издательство Омского университета, 2011. С. 81–94.
2. Синкевич Ю.С. Особенности управления учебной работой в негосударственных вузах Российской империи // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Народное образование. Педагогика. 2011. Вып. 16 (622). С. 133–142.
3. Уткина Н.А. Нижегородский музейон: основание. История возникновения и деятельности музеев г. Нижнего Новгорода в 1860-х – 1917 гг. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2017. 404 с.
4. Репина Л.П. Истории университетов как феномен мемориальной культуры // Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова): Сборник статей в 2 т. Т. 1. Чебоксары: Издательский дом «Среда», 2017. С. 12–16.
5. Вишленкова Е.А., Мальшева С.Ю., Сальникова А.А. Terra Universitatis: Два века университетской культуры в Казани. Казань: КГУ, 2005. 500 с.
6. Университет в истории и история университета: к 40-летию Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского: Очерки. Омск: Наука, 2014. 376 с.
7. Иванова Т.Н. Проблемы изучения истории национальных университетов республик – субъектов РФ // Российская интеллигенция в условиях цивилизационных вызовов: Сборник статей. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2014. 472 с.
8. Лотман Ю.М. Клио на распутье // Лотман Ю.М. Карамзин. СПб.: Искусство-СПб, 1997. С. 628–636.
9. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2010. С. 150–391.
10. Мальшева С.Ю., Сальникова А.А. Чувства университетского человека: размышления инсайдеров // Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова): Сборник статей в 2 т. Т. 1. Чебоксары, 2017. С. 54–57.
11. Андреев А.Ю. 1812 год в истории Московского университета [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://museum.ru/1812/library/Andreev/part7.html> (дата обращения: 29.01.2018).
12. Эрстрём Э.Г. Для меня и моих друзей // Картины русской жизни. Столица и провинция первой половины XIX века глазами иностранцев. Дневники. Исследования. СПб.: Крига, 2016. С. 141–260.
13. Храмцовский Н.И. Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода. Нижний Новгород: Нижегородская ярмарка, 1998. 608 с.
14. Усов П.С. Этнограф-беллетрист // Исторический вестник. 1884. Т. XVII. С. 473–511.
15. Архангельский С.И. Возникновение Нижегородского государственного университета и первые 12 лет его существования 1918–1930 / Кузнецов А.А., Федосеева К.В. Доклад члена-корреспондента АН СССР С.И. Архангельского об истории Нижегородского государственного университета // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 4. С. 48–53.
16. Уткина Н.А. «И всё-таки он существует»: первые шаги Нижегородского Народного университета // Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова): Сборник статей в 2 т. Т. 1. Чебоксары: Издательский дом «Среда», 2017. С. 201–204.
17. [Кузнецова Н.Б.] Эпизоды истории Нижегородского государственного университета // Нижегородский музей. 2016. Специальный выпуск. К столетию ННГУ. С. 8–27, 30–59 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.unn.ru/pages/e-library/museum/NM_100NNGU.pdf
18. Стоюхина Н.Ю. Гуманитарное образование в провинции. Нижегородский университет в первые годы советской власти. СПб.: Любавич, 2011. 234 с.
19. Игоница Д.С., Кузнецов А.А. «Синицын... казался смелым пионером высшей школы»: первый ректор ННГУ и советское студенчество // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 4. С. 30–37.
20. Государственный общественно-политический архив Нижегородской области. Ф. 275.
21. 60 лет радиофизическому факультету ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Краткая историческая справка в документах. Нижний Новгород: ННГУ, 2005. 400 с.
22. Кузнецов А.А., Уткина Н.А., Кучерова Т.В. Надежда Ивановна Привалова и её Максим Горький // Привалова Н.И. Биографическая хроника М. Горького. Материалы и исследования нижегородского периода жизни писателя. Нижний Новгород: ООО «БегемотНН», 2017. С. 5–38.

«UNIVERSITY REQUIREMENT» AND THE HISTORY OF THE UNIVERSITY OF NIZHNY NOVGOROD

A.A. Kuznetsov

In this article, the concept «university requirement» is proposed as a methodological tool in historical studies of universities. Some nuances and restrictions in the use of the concept «university requirement» are considered. A distinction is made between the categories «university person» and «carrier of a university requirement». The history of development of the university requirement for Nizhny Novgorod is presented. Using the example of the history of the Nizhny Novgorod (Gorky) State University, manifestations of the university requirement are considered: the first years of the university's existence, class struggle for the vision of the university, efforts to oppose the closing of the university, L.V. Mankovsky's and A.A. Andronov's role in preserving the university in the 1930s, the opening of the Faculty of Radiophysics and the Faculty of History and Philology.

Keywords: history of universities, university requirement, university culture, Nizhny Novgorod, S.V. Eshevsky, D.F. Sinitsyn, A.A. Andronov, S.I. Arkhangelsky.

References

1. Vishlenkova E.A. Memorial'naya kul'tura rossijskogo universiteta XIX veka // *Mir istorika: Istoriograficheskiy sbornik*. Vyp. 7. Omsk: Izdatel'stvo Omskogo universiteta, 2011. S. 81–94.
2. Sinkevich Yu.S. Osobennosti upravleniya uchebnoy rabotoy v negosudarstvennykh vuzakh Rossijskoj imperii // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvističeskogo universiteta. Narodnoe obrazovanie. Pedagogika*. 2011. Vyp. 16 (622). S. 133–142.
3. Utkina N.A. Nizhegorodskij musejon: osnovanie. Istoriya vozniknoveniya i deyatel'nosti muzeev g. Nizhnego Novgoroda v 1860-h – 1917 gg. Nizhnij Novgorod: Izd-vo NNGU, 2017. 404 s.
4. Repina L.P. Istoriya universitetov kak fenomen memorial'noj kul'tury // *Paradigmy universitetskoj istorii i perspektivy universitetologii (k 50-letiyu Chuvashskogo gosudarstvennogo universiteta imeni I.N. Ul'yanova): Sbornik statej v 2 t. T. 1. Cheboksary: Izdatel'skij dom «Sreda», 2017. S. 12–16.*
5. Vishlenkova E.A., Malysheva S.Yu., Sal'nikova A.A. Terra Universitatis: Dva veka universitetskoj kul'tury v Kazani. Kazan': KGU, 2005. 500 s.
6. Universitet v istorii i istoriya universiteta: k 40-letiyu Omskogo gosudarstvennogo universiteta im. F.M. Dostoevskogo: Očerki. Omsk: Nauka, 2014. 376 s.
7. Ivanova T.N. Problemy izučeniya istorii nacional'nyh universitetov respublik – sub'ektov RF // *Rossijskaya intelligenciya v usloviyah civilizacionnyh vyzovov: Sbornik statej*. Cheboksary: CNS «Interaktiv plus», 2014. 472 s.
8. Lotman Yu.M. Klio na rasput'e // *Lotman Yu.M. Karamzin*. SPb.: Iskusstvo-SPb, 1997. S. 628–636.
9. Lotman Yu.M. Vnutri myslyashchih mirov // *Lotman Yu.M. Semiosfera*. SPb.: Iskusstvo-SPb, 2010. S. 150–391.
10. Malysheva S.Yu., Sal'nikova A.A. Chuvstva universitetskogo čeloveka: razmyshleniya insajderov // *Paradigmy universitetskoj istorii i perspektivy universitetologii (k 50-letiyu Chuvashskogo gosudarstvennogo universiteta imeni I.N. Ul'yanova): Sbornik statej v 2 t. T. 1. Cheboksary, 2017. S. 54–57.*
11. Andreev A.Yu. 1812 god v istorii Moskovskogo universiteta [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://museum.ru/1812/library/Andreev/part7.html> (data obrashcheniya: 29.01.2018).
12. Ehrstryom Eh.G. Dlya menya i moih družej // *Kartiny russkoj zhizni. Stolica i provinciya pervoj poloviny XIX veka glazami inostrancev. Dnevnik. Issledovaniya*. SPb.: Kriga, 2016. S. 141–260.
13. Hramcovskij N.I. Kratkij očerok istorii i opisaniye Nizhnego Novgoroda. Nizhnij Novgorod: Nizhegorodskaya yarmarka, 1998. 608 s.
14. Usov P.S. Ehtnograf-belletrist // *Istoricheskiy vestnik*. 1884. T. XVII. S. 473–511.
15. Arhangel'skij S.I. Vozniknovenie Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta i pervye 12 let ego sushchestvovaniya 1918–1930 / Kuznecov A.A., Fedoseeva K.V. Doklad členu-korrespondenta AN SSSR S.I. Arhangel'skogo ob istorii Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 2016. № 4. S. 48–53.
16. Utkina N.A. «I vsyo-taki on sushchestvuet»: pervye shagi Nizhegorodskogo Narodnogo universiteta // *Paradigmy universitetskoj istorii i perspektivy universitetologii (k 50-letiyu Chuvashskogo gosudarstvennogo universiteta imeni I.N. Ul'yanova): Sbornik statej v 2 t. T. 1. Cheboksary: Izdatel'skij dom «Sreda», 2017. S. 201–204.*
17. [Kuznecova N.B.] Ehpizody istorii Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta // *Nizhegorodskij muzej*. 2016. Special'nyj vypusk. K stoletiyu NNGU. S. 8–27, 30–59 [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://www.unn.ru/pages/e-library/mu-seum/NM_100NNGU.pdf
18. Stoyuhina N.Yu. Gumanitarnoe obrazovanie v provincii. Nizhegorodskij universitet v pervye gody sovetskoj vlasti. SPb.: Lyubavich, 2011. 234 s.
19. Igonina D.S., Kuznecov A.A. «Sinicyn... kazalsya smelym pionerom vysshej shkoly»: pervyj rektor NNGU i sovetское studenčestvo // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 2015. № 4. S. 30–37.
20. Gosudarstvennyj obščestvenno-političeskij arhiv Nizhegorodskoj oblasti. F. 275.
21. 60 let radiofiziceskomu fakul'tetu NNGU im. N.I. Lobachevskogo. Kratkaya istoričeskaya spravka v dokumentah. Nizhnij Novgorod: NNGU, 2005. 400 s.
22. Kuznecov A.A., Utkina N.A., Kucherova T.V. Nadezhda Ivanovna Privalova i eyo Maksim Gor'kij // *Privalova N.I. Biograficheskaya hronika M. Gor'kogo. Materialy i issledovaniya nizhegorodskogo perioda zhizni pisatelya*. Nizhnij Novgorod: OOO «BegemotNN», 2017. S. 5–38.